

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Региональный учебно-научно-практический Юридический центр

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 20-летию юридического факультета
и 50-летию Полоцкого государственного университета

(Новополоцк, 6–7 октября 2017 г.)

В трёх томах
Том 3

Новополоцк
2017

УДК 34(082)
ББК 67я43

Рекомендован к изданию
советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета (протокол № 7 от 04.09.2017 г.)

Редакционная коллегия:

И. В. Вегера, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);
Д. В. Щербик, кандидат юридических наук, доцент;
В. А. Богоненко, кандидат юридических наук, доцент;
Е. Н. Ярмоц, кандидат юридических наук, доцент;
П. В. Соловьёв, магистр юридических наук

Рецензенты:

Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор;
Т. И. Довнар, доктор юридических наук, профессор;
В. М. Хомич, доктор юридических наук, профессор

Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 3. – 304 с.

ISBN 978-985-531-571-2.

Предложены материалы, в которых обсуждаются проблемы юридической науки и практики с позиций преемственного и инновационного развития национальных правовых систем и международного права.

Адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам юридических факультетов, слушателям переподготовки по специальности «Правоведение», а также всем, кто интересуется актуальными проблемами в праве.

УДК 34(082)
ББК67я43

ISBN 978-985-531-571-2 (Т. 3)
ISBN 978-985-531-568-2

© Полоцкий государственный университет, 2017

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОВОВВЕДЕНИЙ
В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Л.Г. Букато,

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук*

Рассуждая об инновациях в уголовно-процессуальной деятельности (как, впрочем, и любой другой), нередко мы увлекаемся суждениями о необходимости внедрения технических средств в процесс досудебного производства по материалам и уголовным делам и рассмотрения таких дел в суде. Вместе с тем постепенно происходит утрата понимания опосредованности использования таких средств, а именно: их «приспособления» человеком, по-прежнему остающимся центральным субъектом правоохранительной деятельности и создателем основ ее организации и осуществления.

Представляется, что специфика инноваций (лат. «innovatio» – «в направлении изменений») в сфере уголовно-процессуальной деятельности, появляющихся вследствие совершенствования ее правового регулирования, не позволяет одновременно с их введением сделать вывод о повышении эффективности действующей системы, так как в числе элементов эффективности права находится и эффективность правоприменения, оценка которой требует не только достаточных качественно-количественных, но также и временных показателей, в связи с чем применительно к рассматриваемому виду деятельности логичнее оперировать термином «нововведение».

В числе нововведений в уголовный процесс последних лет институт досудебного соглашения о сотрудничестве, институт предварительного судебного заседания, институт заочного производства (постановление приговора по делу ускоренного производства без судебного разбирательства), институт производства по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого.

Как правило, введение таких новшеств в уголовно-процессуальный закон связано с потребностями практики, сигнализирующей о необходимости правового регулирования соответствующих общественных отношений. Вместе с тем сложившаяся тенденция ежегодного «обновления» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1] вряд ли может быть признана целесообразной с позиции специфики отрасли деятельности, правовое регулирование которой в большей, нежели иных отраслей, степени должно характеризоваться определенностью и стабильностью. Изменяемый и дополняемый таким образом хаотично закон превращается в набор специальных правил, применяемых для разрешения частных, возникающих на практике трудностей, нередко не связанных с необходимостью реального регулирования рассматриваемой облас-

ти общественных отношений, не основанных на теоретической проработке вопроса, а обусловленных проблемами иного порядка, лежащими в области экономики, политики, организации деятельности и других. В такой ситуации правоприменитель превращается в механического интерпретатора, разрешает конфликтную ситуацию, опираясь лишь на букву несовершенного закона, утрачивая способность и желание чувствовать его дух. Такие подходы влекут возникновение на более длительных временных отрезках лености ума, потерю его универсальности, ограничивают внешнюю и внутреннюю личную ответственность за принятие конкретного решения.

Примером данного тезиса может служить процесс трансформации истины как конечной цели познания в ходе уголовно-процессуальной деятельности в достоверность и вероятность. Установление в процессе производства по уголовному делу формальной, юридической истины оправдывают ограниченностью возможностей познания события, имевшего место в прошлом, и невозможностью ввиду этого установления истины абсолютной. Все это, к примеру, позволяет судебной ошибке прочно закрепиться в не только в теории, но и в практике деятельности правоприменительных органов и обосновывает введение в научную терминологию понятия «степень риска судебной ошибки» [2, с. 8].

В то же время, как показывает анализ таких нововведений, нередко изменения и дополнения, «спровоцированные» практикой и отраженные в законе, получают иную интерпретацию в процессе правоприменения, внося новый, отличающийся от заложенного в норме смысл, вводя таким образом в заблуждение адресата нормативных предписаний, создавая параллельную закону (а не основанную на нем) правоприменительную практику. Иллюстрацией таких размышлений может служить сопоставление нормативной регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве, введенного в УПК Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [3], и складывающейся практики его применения, отчасти отраженной в приказе Генерального прокурора Республики Беларусь от 17 мая 2017 г. № 21 «Об утверждении Инструкции о порядке организации работы прокурора по реализации полномочий при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [4].

Так, теория и практика не единообразно отвечают на вопрос о том, по уголовным делам о каких преступлениях допускается заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым. При разработке правового регулирования института высказывались точки зрения о введении его в уголовно-процессуальный закон с целью упрощения и ускорения досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии, а также о необходимости ограничения возможности его применения категориями тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в составе организованной

группы или преступной организации. Однако такая точка зрения не была отражена в обосновании необходимости подготовки проекта закона, где содержится лишь указание на направленность института в первую очередь на получение органами предварительного следствия от лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, помощи в расследовании преступления и изобличении его соучастников. Несмотря на это, УПК не связывает возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с категорией преступления, наличием либо отсутствием соучастников в его совершении. На практике ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве заявляются по всем категориям дел.

Получили свою новую интерпретацию у правоприменителя и содержащиеся в части 2 статьи 468-10 УПК термины «полнота» выполнения обвиняемым обязательств по оказанию содействия предварительному следствию, а также «значение» такого содействия: в названном выше приказе Генерального прокурора Республики Беларусь данная диада была без надлежащего обоснования заменена на «характер и пределы» содействия. Очевидно, что неопределенность в использовании терминов, которые по своей сути носят еще и оценочный характер, повлечет трудности при толковании нормативных предписаний. Кроме того, возникнут сложности и при характеристике полноты выполнения подозреваемым, обвиняемым обязательств: УПК не требует одновременного принятия на себя подозреваемым, обвиняемым всех обязательств, указанных в части 4 статьи 468-6 (это было закреплено и в обосновании необходимости разработки проекта закона), в свою очередь на практике закрепился подход, реализованный и в подпункте 6.1 пункта 6 приказа, в соответствии с которым основанием для удовлетворения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является принятие на себя обязательства по выполнению всех действий, указанных в УПК. Представляется также, что выполнение условий досудебного соглашения о сотрудничестве в части не может являться основанием для отказа в применении в отношении лица специального правила назначения наказания, установленного статьей 69-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Относительно «значения» («пределов») содействия подозреваемого, обвиняемого также нет ясности, поскольку соответствующий вывод есть субъективное восприятие прокурора либо его заместителя ввиду отсутствия конкретных методик или рекомендаций.

Сделанные зарисовки проблемы приводят автора к заключению о значении антропологического подхода в дальнейших исследованиях уголовно-процессуальной деятельности, несмотря на имеющиеся мнения о том, что юридическая антропология на современном этапе «это развернутый гносеологический манифест, принципиально нереализуемый в силу эклектического характера» [5].

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Качалова ; Российский государственный университет правосудия. – М., 2016. – 55 с.

3. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Республики Беларусь, 5 января 2015 г., № 241-3 [Электронный ресурс] // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Об утверждении Инструкции о порядке организации работы прокурора по реализации полномочий при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генерального прокурора Республики Беларусь, 17 мая 2017 г., № 21 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 11 с.

5. Кондрашова, К. В. К вопросу об антропологическом подходе в правоведении [Электронный ресурс] / К. В. Кондрашова, Д. Ф. Купча // Правозащитник. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://pravozashitnik.net/ru/2015/3/11>. – Дата доступа: 09.09.2017.